

О. М. Корчажкина

Диалог Платона «Парменид» как образец «упражнения в пустословии»

Статья посвящена диалогу «Парменид», одному из самых известных и сложных для понимания текстов древнегреческого философа Платона, раскрывающих ряд важнейших аспектов процесса познания. Приводится вариант толкования восьми гипотез «Парменида», позволяющий современному читателю оценить ход мысли великого философа при анализе учения о *Едином*, доказывающего общность и противоречивость сущностей и связей между *Единым* и *Единым*, а также *Единым* и *Иным*. Предполагается, что целью диалога «Парменид» является демонстрация способа «уразумения истины» путем всестороннего рассмотрения вещи и сопровождающих ее идей. В качестве средства достижения своей цели Парменид (Платон) выбрал формат, сочетающий формальную и диалектическую логику в рамках четырех познавательных ситуаций.

Ключевые слова: «Диалоги» Платона; восемь гипотез «Парменида»; диалектика познания; формальная логика; диалектическая логика.

Древнегреческий философ Платон Афинский (ок. 428–348 до н. э.) — автор «Диалогов», которые представляют собой значительную часть всех его сочинений — так называемого *Платоновского корпуса* (лат. *Corpus Platonicum*), — полностью сохранившихся до нашего времени. Они созданы в жанре тематического философского диалога, который ведется между различными историческими или вымышленными лицами, причем главным участником большинства диалогов является учитель Платона Сократ (ок. 470–399 до н. э.), которого Платон считал «справедливейшим из людей».

Все диалоги поделены на девять тетралогий. В каждую тетралогию входит по четыре диалога (часть из них см., например, в [2]). В них затрагиваются значимые для становления древнегреческой философии темы о благочестии, о должном, о знании, об идеях, о сущем, о дружбе, о любви и т. п. Материал диалогов является демонстрацией процесса развития философского метода,

который Платон вслед за своим учителем Сократом называл диалектическим.

С помощью диалогического характера общения Платон излагал смысл своих философских воззрений в доступной для читателя форме. Он считал диалог наилучшим способом постижения истины, помогающим участникам устного общения проследить общий ход рассуждения и получить возможность отстоять свою точку зрения путем поиска диалектических противоречий и убедительных аргументов.

Обстоятельная научная оценка вклада «Диалогов» Платона в развитие знания о познании сделана А. В. Назарчуком в [1: с. 224–228]. Автор отмечает, что в философских диалогах Платона прослеживается «способ переформулирования проблем коммуникативного диалога, диалогизма, в проблемы диалектики», когда диалектика превращается в «универсальную и формализованную коммуникативную методологию», основанную на оперировании понятиями. Диалектика понятий, которую демонстрирует Платон, имеет целью установить многообразные отношения этих понятий между собой. Диалектика Платона — это «диалог идей». В отношениях противоположностей порождаются новые идеи и новые противоположности [1: с. 227].

Одним из самых сложных текстов Платона является диалог «Парменид» [2: с. 267–355 (в переводе Н. Н. Томасова)], входящий в третью тетралогию. Многие исследователи наследия Платона признают, что цель и смысл диалога «Парменид» до конца неясны, и они снова и снова предлагают свои версии его толкования (см., например, [6]). В обзоре, сделанном Э. Л. Радловым [3: с. 5, 10], указывается, в частности, что одни ученые склонялись к мнению, что в диалоге скрыты глубины платоновской теологии (Плотин, Прокл, Ямвлих, Марсилий Фичин), а другие — что в нем воспроизводится только ничего не значащая игра понятий. Например, Гегель (1770–1831), признавая диалог «Парменид» образцом диалектического развития понятий в русле платоновской диалектики, противопоставлял свой метод платоновскому, называя последний «отрицательно разумной формой диалектики», а свой — «положительно разумной». Иначе зачем Платону — если спросить от лица Гегеля — надо было некое гипотетическое положение принимать за истинное и выводить из него следствия, а потом делать то же самое с противоречащей формой того же положения [3: с. 5] и выводить иные, отличные от первых умозаключения?

Наибольшую значимость для понимания позиции Платона относительно процесса постижения истины имеет вторая часть диалога — лекция-беседа Парменида, которому ассистирует некий отрок по имени Аристотель. В этой беседе Платон, будучи представителем Элейской философской школы, где признает существование некоей единой праосновы вещей — *Всеобщего Единого*, устами Парменида рассуждает относительно сущностных категорий *Единое* и *Иное*: *Единое* обозначает некую всеобщую субстанцию, а *Иное* — некую альтернативную субстанцию, нечто *Не-Единое*, а иногда и *Многое*. **Целью этих рассуждений, представляющих собой урок для молодых философов,**

является демонстрация внешне провокационного способа «уразумения истины» путем всестороннего рассмотрения вещи и сопровождающих ее идей с неоднозначных и часто парадоксальных позиций.

Таким образом, Парменид, выявляя в ходе логических рассуждений находящиеся в поле его «научных интересов» многообразные и противоречивые связи между *Единым* и *Единым*, а также *Единым* и *Иным*, проводит своего рода мастер-класс для молодого Сократа и всех собравшихся. Призвав на помощь «технического оппонента» Аристотеля, Парменид организует процесс поиска истины с метафизических позиций, сочетая формальную и диалектическую логику в рамках четырех познавательных ситуаций: «Абсолютное и относительное полагание *Единого* с выводами для *Единого*», «Абсолютное и относительное полагание *Единого* с выводами для *Иного*», «Абсолютное и относительное отрицание *Единого* с выводами для *Единого*» и «Абсолютное и относительное отрицание *Единого* с выводами для *Иного*» [2: с. 285–355]. Самое главное, что хотел продемонстрировать Парменид Сократу и всем собравшимся, — это осуществлять логическое рассуждение, исходя из начальных условий и понятий (идей) и получая при этом умозаключения с опорой на реальные предметы (вещи). Тем самым, по мнению Парменида, устанавливается «приобщение одного к другому».

Закончив свое выступление, Парменид делает общий вывод по предположениям о бытии и небытии *Единого*: «существует ли единое или не существует, и оно и иное, как оказывается, по отношению к самим себе и друг к другу безусловно суть и не суть, кажутся и не кажутся» [2: с. 355]. На что Аристотель отвечает: «Истинная правда», а читатель остается в полном недоумении, и не он один. Вспомним, что перед началом диалога Сократ сделал замечание: «Пусть-ка кто докажет, что единое, взятое само по себе, есть многое и, с другой стороны, что многое [само по себе] есть единое, вот тогда я выкажу изумление» [2: с. 271]. Так что изумление носит всеобщий характер.

Несмотря на нескончаемые поиски, даже уже обозначенные теми или иными исследователями, смыслы второй части диалога «Парменид» не до конца подтверждены и раскрыты. Обычно при обзоре и анализе второй части «Парменида» упоминают восемь гипотез (см., например, [3; 5; 6]), сформулированных еще Проклом, которые резюмируют все идеи, заложенные Платоном в текст диалога. В сжатом и более доступном изложении эти гипотезы, или отделы, выделены выдающимся отечественным философом А. Ф. Лосевым (1893–1988). Предлагаем еще раз рассмотреть восемь гипотез — умозаключений, — полученных Парменидом в результате диалога с Аристотелем, чтобы найти в них дополнительное подтверждение хотя бы одной из версий — ***всестороннего и обстоятельного разыскания и даже заблуждения с целью «уразумения истины».***

Если анализировать восемь гипотез Парменида, опираясь только на законы и инструменты формальной логики, то можно обнаружить в некоторых из них нарушение этих законов (преимущественно закона противоречия

и закона исключения третьего) и прийти к выводу о том, что большинство его рассуждений — это софизмы, которые он с успехом демонстрирует с целью доказательства той или иной ложной идеи. А затем на основании этих ложных идей сформулировать утверждения, которые, на взгляд рядового обывателя, являются «упражнениями в пустословии», весьма далекими от здравого смысла и порождающими тупиковую ситуацию.

Действительно, создается впечатление, что для Парменида (Платона) становится неважно, какое умозаключение получено в результате длительного рассуждения, исходящего из той или иной гипотезы, и насколько оно истинно. Более того, условие бытия или небытия *Единого* и само понятие *Единое* он выбрал всего лишь в качестве предмета исследования, интересующего его как приверженца взглядов Элейской философской школы. Он хочет, чтобы «все здесь свои» на близком примере смогли понять, как следует «переплыть эту ширь и глубь рассуждений», то есть показать сам процесс размышления над абстрактной познавательной проблемой, пока не очень задумываясь о результате и не оценивая его достоверность. Тем самым Парменид показывает, какие противоречивые ситуации могут возникать в реальном процессе познания при принятии тех или иных начальных условий и как исследователь может выходить из подобных ситуаций, пользуясь законами формальной и/или диалектической логики.

Гипотезы с первой по четвертую, опирающиеся на принятие изначально правдоподобного положения о существовании *Единого*, Парменид доказывает как с помощью эмпирических фактов, так и диалектических рассуждений.

1. Предполагается бытие *Единого*. **В соответствии с первой гипотезой** о свойствах бытия *Единого* это *Единое* не имеет ничего, кроме своего названия, поэтому его бытие равносильно небытию, то есть такого *Единого* не существует, и в соответствии с законами формальной логики налицо антагонизм: *Единое* есть — *Единого* нет, противоречащий закону исключения третьего, чем ставит исследователя перед выбором между двумя противоположными утверждениями. Однако по законам диалектической логики если оба противоположных утверждения относятся к одному предмету, то их противоречие вступает во взаимодействие (синтез) и рождает новое качество или новый предмет: *Единое* есть, а на следующем этапе его вдруг нет, а есть нечто *Иное*. Позднее в диалектике Гегеля этот процесс будет описываться взаимодействием законов единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания. Пока Платон преодолевает возникшее в ходе своего рассуждения противоречие путем принятия факта диалектического развития процесса познания — от незнания об *Ином* к знанию об *Ином*. Достигнутое при этом новое знание детализируется во второй гипотезе.

2. Предполагается бытие *Единого*. **В соответствии со второй гипотезой** о тождестве противоположностей (*Единого* и *Иного*) *Единое* рождает из себя свою противоположность — *Иное*, которое и тождественно ему, и отлично от него. Это положение подтверждается диалектическими законами,

названными впоследствии законом единства и борьбы противоположностей внутри одной субстанции (*Единого*), и законом отрицания отрицания, когда из *Единого* рождается его противоположность — *Иное*, которое одновременно и отрывается от *Единого*, и сохраняет с ним постоянную связь.

3. Предполагается бытие *Единого*. **В соответствии с третьей гипотезой** тождество противоположностей означает совместное существование и «своего», и «иноного» в любом *Едином* и *Ином*. Эта гипотеза также подтверждается диалектическим законом единства и борьбы противоположностей. Однако если вторая гипотеза работает с **фактом** единства и борьбы противоположностей (фактом рождения из *Единого* своей противоположности — *Иного*), то третья гипотеза раскрывает **динамику** единства и борьбы *Единого* и *Иного* через их совместное бытие. В этом состоит диалектическая взаимосвязь второй и третьей гипотезы Парменида.

4. Предполагается бытие *Единого*. К выводу о небытии *Многого* **в соответствии с четвертой гипотезой** приводит изначальное допущение того факта, что существующее Единое не является целым, поэтому оно не может родить *Многое*, ибо для рождения *Иного*, чем является *Многое*, оно (*Единое*) должно делиться. То есть *Многое* рождается не из существующего *Единого*, а как бы из самого себя, что невозможно, и значит, *Многого* не существует. В рамках формальной логики по закону исключения третьего это противоречие является неразрешимым. Однако если сослаться на первую гипотезу, которая подводит к диалектическому утверждению об одновременном бытии и небытии *Единого* («если есть единое, то оно в то же время не есть единое ни по отношению к самому себе, ни по отношению к другому» [2: с. 340]), то можно сделать два вывода, о которых напрямую не говорит Парменид, но позволяет читателю самостоятельно найти основания для подтверждения своего «намёка»: а) возможность одновременного бытия и небытия *Единого* означает, что оно, трактуемое как всеобъемлющая сущность, может быть как целым, так и нецелым, то есть способным рожать или не рожать новые сущности путем деления самого себя; б) возможность одновременного бытия и небытия других объектов, в частности *Многого*: *Многое* как производное нецелого *Единого* не существует, тогда как согласно закону отрицания отрицания *Многое* как производное целого *Единого* вполне может существовать. Отсюда вытекает справедливость пятой гипотезы о тождественности бытия и небытия *Единого*.

Перед анализом **второй четверки гипотез**, в которых предполагается небытие *Единого*, сделаем следующие предположения о «скрытых тактиках» Парменида:

- изначальный посыл о небытии *Единого* в смысле абсолютного небытия («если единое не существует, то ничего не существует» [2: с. 355]) может вывести все дальнейшие рассуждения с использованием приемов чистой логики на уровень софизмов;

- изначальный посыл об относительном небытии *Единого* в смысле, при котором это несуществующее *Единое* приобретает новое качество

и становится существующим *Иным* (согласно второй и третьей гипотезам), представляется более содержательным в смысле применения диалектических способов рассуждения;

- рассуждения по поводу пятой и шестой гипотез исходят из небытия *Единого*, причем в обеих формах — абсолютной и относительной; поэтому пятая и шестая гипотезы Парменида далее будут рассматриваться именно с позиции несуществующего *Единого* как существующего *Иного*;

- что касается седьмой гипотезы, то в нее уже заложено положение об абсолютном небытии *Единого*, равно как и положение об относительном небытии *Единого* принято в восьмой гипотезе.

5. Предполагается небытие *Единого*, изначально принимаемое за бытие *Иного*. **В соответствии с пятой гипотезой** о двух формах (абсолютного и относительного) небытия *Единого* — бытие и небытие *Единого* тождественны. Поскольку в существовании вещей, то есть в существовании объективной реальности, Парменид не сомневается, то существующее *Единое* обязательно сосуществует наравне с тем *Единым*, которое не существует, поскольку последнее уже не является прежним *Единым*, а становится *Иным*. Поэтому несуществование прежнего *Единого* может означать существование *Иного*, что соответствует диалектическому переходу *Единого* в *Иное* согласно закону отрицания отрицания. Таким образом, пятая гипотеза не является противоречивой, если принять несуществующее в любых формах *Единое* за *Иное*, причем последнее отождествляется с существующим *Единым* и согласуется с доказанной третьей гипотезой о диалектическом тождестве противоположностей.

6. Предполагается абсолютное небытие *Единого*. **В соответствии с шестой гипотезой**, которая устанавливает соотношение абсолютного и относительного небытия *Единого*, обе формы *Единого* — и существующее, и несуществующее — непознаваемы, что согласуется с выводом первой гипотезы. Читатели задаются вопросом: как такое возможно, чтобы две гипотезы, в основе которых лежат диаметрально противоположные посылы (о бытии и абсолютном небытии *Единого*), приводят к одинаковым выводам? Вероятнее всего, рассуждают они, шестая гипотеза независимо от того, принята ли идея об абсолютном небытии *Единого* или о небытии *Единого* в форме бытия *Иного*, являет собой софизм, с помощью которого Парменид показал, как, следуя законам формальной логики, неприменимым к динамически развивающимся процессам, можно получить ложный результат. Однако с помощью диалектических рассуждений шестая гипотеза, вкуче с первой утверждающая непознаваемость обеих форм *Единого*, не является неправдоподобной, поскольку непознаваемость, означающая в рамках формальной логики невозможность познания в принципе, в диалектическом смысле означает **бесконечность процесса познания**. То есть непознаваемость не есть отсутствие у *Единого* свойства быть познанным, а, напротив, есть наличие этого свойства у *Единого*, причем это свойство неиссякаемо в силу бесконечности или безграничности

Единого как всеобщей сущности. С этих позиций, вероятно, следует признать бесконечность и безграничность единственными свойствами *Всеобщего Единого*, хотя Парменид мог бы с этим поспорить...

7. Предполагается, что *Единому* присуще относительное небытие. **В соответствии с седьмой гипотезой** об *Ином* (или *Многом*) *Единое* не существует лишь в отдельные периоды и в отдельных своих формах, а не абсолютно. Поэтому оно может в этих случаях давать жизнь *Иному* и седьмую гипотезу можно считать непротиворечивой.

8. Предполагается абсолютное небытие *Единого*. **В соответствии с восьмой гипотезой** об *Ином* абсолютное небытие *Единого* приводит к небытию *Иного*. Так восьмая гипотеза противоречит седьмой гипотезе и является неправдоподобной: *Иное* может существовать в двух случаях — при условии бытия *Единого* или при условии относительного небытия *Единого*.

9. **Объединяя седьмую и восьмую гипотезы**, дадим дополнительное разъяснение относительно *Иного*, рожденного из абсолютного небытия *Единого*, которое непременно будет ввергнуто в *Хаос*. Недосказанность в рассуждениях Парменида относительно понятия *Хаос* в седьмой гипотезе приводит к необходимости рассмотреть вариант, при котором *Иному* как ввергнутому в *Хаос* нагромождению вещей и идей (*Многому*) удастся приобрести упорядоченный вид путем самоорганизации. Именно эту способность *Хаоса* «можно рассматривать не столько как дезорганизованное, предельно динамизированное состояние субстанции, сколько как конструктивную силу. <...> Хаотическую составляющую, наряду с алгоритмами преобразования, можно считать внутренними свойствами среды, на которой происходит самоорганизация образа» [4: с. 100]. С позиций подобного постнеклассического взгляда на любой объект познания как на объект синергетики можно было бы говорить о непротиворечивости и восьмой гипотезы Парменида.

Сочетая в своих рассуждениях законы формальной и диалектической логики, Парменид наглядно показал, что оба раздела логики могут использоваться на равноправных условиях как способы научного познания. Однако их законы и выполняемые ими функции справедливы на разных этапах познавательного процесса: развитие научного знания осуществляется по диалектическим законам — в динамике, когда мысли и идеи не могут быть тождественны, тогда как полученные результаты соответствуют состоянию «покоя мысли», в котором действуют законы формальной логики. Применяя законы формальной логики к динамическим процессам и сводя рассуждение к софизмам, исследователь гарантированно получает ложные умозаключения, что также продемонстрировал Парменид, усилив тем самым обучающий компонент своего диалога.

Отсюда вытекают следующие выводы, заключающиеся **в способности диалектической логики снимать противоречия логики формальной:**

- без признания понятия *Единого*, лежащего в основе всех идей, познание невозможно; следовательно, познание невозможно без признания идей;

- не только субстанции (вещи), но и понятия могут иметь противоречивые признаки: сходство и различие, равенство и неравенство и т. п. могут существовать одновременно в одном и том же понятии;
- для обеспечения возможности познания *Единое* является необходимым, но недостаточным понятием без *Многого*; поэтому *Единое* и *Иное* (в ряде случаев выступающее как *Многое*), есть две стороны одной медали в процессе познания и мышления.

Обобщая сказанное, можно предположить, что главной целью диалога «Парменид», его основным посылом было показать Сократу и в его лице читателю процесс «приобщения идей к вещам». Это «приобщение» состояло не в том, что некая сущность каждой вещи существует самостоятельно и для каждой вещи существует единая обособленная от нее идея [2: с. 278], как понимал эту проблему Сократ. Критикуя «дуализм вещи и идеи», Парменид наметил проблему, а затем показал способы ее разрешения: нужно допустить, что «существует некий род каждой вещи и сущность сама по себе», затем нужно определить идею каждой вещи в отдельности и допустить, что каждая из существующих вещей имеет тождественную самой себе идею, и доказать это путем рассуждений [2: с. 281–282].

В заключение поясним, что мог иметь в виду Парменид (и его устами Платон), говоря об «упражнениях в пустословии» и о том, что «большинство считает и называет пустословием» [2: с. 282]. Выражаясь современным языком, это своего рода методическое упражнение [3: с. 10], с помощью которого Парменид попытался раскрыть тайны диалектического рассуждения, а также инструменты, заставляющие эти способы работать в ходе постижения истины. Согласно Платону, восемь вариантов, на которые ветвятся два начальных допущения о бытии и небытии *Единого*, представляют собой, по замыслу Парменида, полный набор наиболее вероятных путей рассуждения, позволяющих молодому исследователю получить навык «уразумения истины». Тем же, кто пока не сумел постичь суть диалога, все эти рассуждения будут казаться «бездонной пучиной пустословия» [2: с. 273] до тех пор, пока загадка этого философского шедевра не будет полностью разгадана.

Литература

1. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
2. Платон. Диалоги / перевод с древнегреческого: С. Ананьина [и др.]. М.: Эксмо, 2019. 560 с.
3. Радлов Э. Л. Введение к переводу «Парменида» Н. Н. Томасова [Электронный ресурс] // Платоновское философское общество. URL: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/004-01.pdf> (дата обращения: 16.04.2021).
4. Свирский Я. И. Самоорганизация смысла (опыт синергетической онтологии). М.: ИФРАН, 2001. 181 с.
5. Семенов В. В. Структура логики платоновского «Парменида» // Вопросы гуманитарных наук. 2006. № 5 (26). С. 37–43.

Literatura

1. Nazarchuk A. V. Teoriya kommunikacii v sovremennoj filosofii. M.: Progress-Tradiciya, 2009. 320 s.
2. Platon. Dialogi / perevod s drevnegrecheskogo: S. Anan`ina [i dr.]. M.: E`ksmo, 2019. 560 s.
3. Radlov E`. L. Vvedenie k perevodu «Parmenida» N. N. Tomasova [E`lektronny`j resurs] // Platonovskoe filosofskoe obshhestvo. URL: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/004-01.pdf> (data obrashheniya: 16.04.2021).
4. Svirskij Ya. I. Samoorganizaciya smy`sla (opy`t sinergeticheskoj ontologii). M.: IFRAN, 2001. 181 s.
5. Semenov V. V. Struktura logiki platonovskogo «Parmenida» // Voprosy` gumanitarny`x nauk. 2006. № 5 (26). S. 37–43.

O. M. Korchazhkina

Plato's Dialogue «Parmenides» as a Sample of «Exercising in an Empty Rhetoric»

The article is devoted to one of the most famous and difficult to understand dialogues related to the process of cognition, which was written by the Athenian philosopher Plato, — the dialogue «Parmenides». Plus, it gives a variant of how to interpret the eight Parmenides' hypotheses, which allows the modern reader to evaluate the great philosopher's process of thinking when he analyzed the commonality and contradictions in the entities and connections between the One and the One, as well as between the One and the Other. The paper also discusses the evident aims and the tools Plato used to achieve his goal. It is assumed that the purpose of the dialogue «Parmenides» is to demonstrate a way of «comprehending the truth» through exploring «the thing» and accompanying ideas. As a means of achieving his goal, Parmenides (Plato) chose a format that combines formal and dialectical logic within the four cognitive situations.

Keywords: Plato's «Dialogues»; Parmenides' eight hypotheses; dialectics of knowledge; formal logic.